

«Никто не верил, что наших ребят заберут на фронт»

Листая дневник ученицы школы № 76

Наталья НИКОЛАЕВА

зав. отделом истории
Котласского краеведческого музея

В этом году отмечается 72-я годовщина начала Великой Отечественной войны. На фронт ушли тысячи котлашан, но и тысячи остались здесь, в тылу. Что они чувствовали, как жили, о чем думали и мечтали? В одном из архивных дел Котласского краеведческого музея хранятся дневниковые записи ученицы школы № 76, выпускницы 1942 года Ии Вещезеровой. Кому-то они могут показаться наивными, детскими, но эти записи - документальные свидетельства той жизни в Котласе.

«Да здравствуют каникулы! Да, я влюблена! Я люблю всех, весь мир! Я сегодня люблю даже Котлас, хотя он и грязный городишка... с его глиной и деревянными мостками. Да, я люблю все это необыкновенно, горячо, огромно и жарко. Люблю небо и реку, и звезды. Я даже думаю, что когда-нибудь мы полетим к звездам! Как хорошо! Как здорово!» - писала Ия Вещезерова 7 мая 1941 года.

Но через пару месяцев все изменилось. Началась война. И уже в июле Ия и ее одноклассники выехали на работу. Сначала трудились на Кривой (поселок в четыре дома), затем на Гари (всего два дома). Мало того, что работа была тяжелая, так еще и жили в домах с огромными щелями, в которые дул ветер и летели комары. Но молодость брала свое: по вечерам сидели у костра, пели песни и хохотали, а в хорошую погоду даже танцевали под гармошку своего учителя Ивана Максимовича.

15 июля 1941 года: «Ох, сегодня и спала же я! Усталость почувствовалась, лишь когда стала пить чай. Легла на свое пальто, закрылась рабочей блузой и очень крепко заснула, несмотря на то, что сплю на голом полу. Сегодня мы работали десять часов на разводке, на руках большущие мозоли, а по всему телу волдыри от укусов оводов и слепней. Но ничего,

«до свадьбы заживет» - говорит Иван Максимович».

21 сентября 1941 года: «Вчера было общегородское комсомольское собрание. Все наши ребята записались добровольцами в лыжные батальоны. Сегодня в восемь утра те, кто работают, пойдут на комиссию, а наши оставлены до особого распоряжения горвоенкомата. Прямо обидно, что мы, хуже их что ли? Да я на лыжах-то бегаю лучше! Особенно было обидно тогда, когда сказали, что девушки-ученицы могут идти домой учить уроки, а юноши останутся. Если возьмут на курсы связистов..., то пойду обязательно! Все равно пойду! Что я, винтовку не могу держать? Это еще посмотрим, чья винтовка лучше бьет?!»

22 сентября 1941 года: «Нам все казалось шуткой, никто серьезно не верил, что ребят наших возьмут. Они сами даже не верили. Но перед выходным, когда мы собрались на комсомольское собрание, мне Антушев позвонил, чтобы я, забрав комсомольцев-мальчиков 1923-1924 годов рождения, шла немедленно в горком. Мы шли, говоря, что скоро отправляться на фронт, но в душе как-то не верилось, и даже было смешно. Нам в бюро сказали, что возьмут восемь человек. Даже после того, когда мы вчера читали их повестки, в душе была какая-то мысль об ошибке. Собрали в четыре часа вечера, и наши ребята пришли уже бритыми. Мы бежали, хохотали...»

23 сентября 1941 года: «В классе как-то пусто. Мальчишек, кроме Коли (1925 года рождения), никого нет и как-то тихо-тихо... Вчера первый урок был просто прощанием. На большой перемене устроили митинг. Мне нужно было говорить, но я так разволновалась, что не могла. Нас двоих отпустили с третьего урока, и мы сумели, конечно не без стычек, достать ребятам на дорогу булочки и пирожков. В военкомате матери плачут, молодые плачут и целуются. Тяжело как-то. Когда пришли на пристань, то все крепились. Но когда трап убрали, когда пароход медленно пошел от

пристаней, то у матерей вырвался душераздирающий стон... И чем дальше уходил пароход, тем больше становилось водное пространство, тем громче становился плач и как-то тяжело-тяжело стало. Ну какие они вояки? Посмотришь, а лицо-то еще детское, глупое. Что ж, значит так надо! Лучше умереть в борьбе, чем ждать, когда как козьяку штыком приколют. Что может сейчас занимать головы людей, кроме войны, этой человеческой бойни? Сколько людей погибло, сколько городов разрушено. О, гады! Мало им человеческой крови... Рассказывают и в газетах пишут, что они такие зверства учиняют, что кровь леденеет в жилах... Только безумец мог составить план истребления целого народа, да какого народа - славян! Нет, наша сила не иссякнет. Не пойдём мы к тебе на поклон, поганое чудовище, не увидишь ты нас на коленях. Лучше смерть, чем все лучшее наше, наше будущее, будет пограно грязным сапогом фашизма. Но не самоубийством мы будем кончать - это трусость. А погибнем на поле брани, где наши братья, наши любимые отдадут жизнь за наш великий народ!»

24 сентября 1941 года: «Завтра в четыре часа мы едем в Захарьинский сельсовет. Нам велели взять хлеба на три дня, то есть 1 кг 200 грамм, и одеяло с подушкой. Сказали, что едем работать на три дня. Но, по-моему, мы будем работать больше...»

26 сентября 1941 года: «Мы уже в колхозе! Приехали в восемь вечера. Темно, ничего не видно. Бредем по грязи. Наконец добрались до Забелино, а там сказали, что нужно идти два километра еще. Мы, разумеется, запротестовали. А вообще ведь на фронте еще труднее... Нас разместили в три дома. Наша хозяйка - хорошая такая старушка. Она нам дала постель и разрешила лечь на печь, полати и пол. Утром снова пошли. Грязь, грязь снова, только что днем - хорошо. Пришли, и нас уже теперь по новым квартирам разослали».

28 сентября 1941 года: «Живем, хлеб жуем, картошку едим, кипятком

10-й класс школы N 76. Сентябрь 1941 года. Третья справа в последнем ряду Ия Вещезерова.

с солью пьем, да и песни еще поем. Работать мы уже привыкли хорошо. Ладно, что здесь еще поле-то песчаное, а если б глина, как у нас внизу, то было бы горя... С работы приходим в полседьмого-семь часов вечера, садимся есть, а потом - кто во что горазд».

3 октября 1941 года: «Ну, вот мы и снова в колхозе. Будем работать на таких условиях: если выработаете трудодень - 400 грамм хлеба, 50 грамм мяса и 100 грамм картошки».

5 октября 1941 года: «Как у меня спина болит и есть хочется. Только что пришли с работы. Какие у меня руки стали грубые и не гнутся пальцы после льна. Даже мозоли стали на пальцах. Тяжело все-таки работать».

7 октября 1941 года: «Мы вчетвером жнем серпами, получается ничего. Я еще ни разу не обрезала себе пальцев. Руки сейчас стали нехорошие, все растрескались, огрубели, все исцарапаны. Я сижу над своим дневником и думаю, почему же так люди плохо живут здесь. Евдоким Федорович говорит, что они в колхозах живут плохо из-за своей лени... И все-таки, пожалуй, это следствие, а не причина. Мне надоело смотреть на этих руководителей, не умеющих правильно расставить людей на работу. Во-первых, руководители - слабые. Думают, что колхозом может руководить кто угодно. Во-вторых, трудной. В-третьих, человек, чтобы расти и быть сильным, - ест. А земля каждый год дает урожай, и ее тоже надо кормить. Еще Менделеев говорил об искусственных удобрениях. Одного навоза, конечно, мало. И вообще нуж-

молоком и начали есть. Они раза в три больше нашего съели, вот мы и хохотали. Они говорят, что попробуют, как верблюды, есть в «запас». Но ведь верблюды только пьют на несколько дней вперед. Ну, а воды-то нам хватает и в желудке и сверху с неба».

9 октября 1941 года: «Я чувствую сегодня какую-то слабость во всем теле. Голова кружится и такое паршивое настроение. На улице толстый слой снега напал и все идет и идет. Уже одиннадцатый час, а мы сидим еще дома, не ушли на работу. Только есть хочется, а хлеба всего 800 грамм дали утром, и это до завтрашнего дня. Смех ведь! Только и думается о том, чтобы чего-нибудь поесть. Вот потом будет смешно при чтении дневника».

17 октября 1941 года: «По всему фронту идут ожесточенные бои. Сколько жертв повлечет за собой эта война. Но нет, поганый Гитлер, не думай, что ты, как Наполеон, въедешь в Москву! Не бывать этому, не бывать! Ну почему медлят и нас не хотят готовить к фронту? Надо идти в горком! Разобьем немцев, тогда будем учиться».

20 октября 1941 года: «Мы сегодня получили письмо от ребят. Они пишут так серьезно, ну совсем не похоже, но очень уж серьезно. И потом, мне кажется, что они в глубине души все же хотят дома побывать. Мы хотим собрать посылку лично для них, они ведь тоже красноармейцы теперь».

20 октября 1941 года: «Какой чудесный свет разлит на улице... Небо чистое, голубое, далекое. Звездочки так тихо сияют там, в недосыгаемой высоте, что, кажется, смотрят они оттуда и видят, что происходит в душе человека. Наша неприглядная днем улица сейчас кажется тоже прекрасной, озаренной нежным светом!»

5 ноября 1941 года: «Раньше, читая о гражданской войне, было грустно, что мы не можем так жить. А сейчас нам говорят: «Вы еще учитесь пока». Нет, мы не должны бездельничать. Учиться хочется, но мы должны идти на фронт. Я решила бежать, если не берут по-настоящему нас - девушек».

Летом 1942 года десятиклассники закончили школу. По-разному сложились их судьбы. «Не вернулись с поля брани наши мальчики 1924 года рождения: Веня Мокрецов, Сережа Низовцев, никогда не унывавшие веселые Васи - Чирков и Червошкин, Витя Прозоров. Никогда не увидим больше доброй улыбки Юры Дубровина», - писала Ия.

Класс оказался на редкость дружным, даже через много лет они продолжали встречаться в стенах родной школы на традиционных встречах выпускников, на которые приезжали из самых отдаленных районов страны.

но почитать Ленина. У него, наверно, про колхозы все нормально написано... Вообще все это надоело. Но нельзя так киснуть, Ия. Наши мальчики на фронте, а мы на трудовом фронте. Тяжесте и горе, труд и невзгоды мы должны делить пополам».

8 октября 1941 года: «Настоящая осень. Уже девять часов утра, а иней и не думает таять. С рябины падают листья. Береза тихо роняет листья, которые, медленно кружась, падают вокруг. Кажется, что им не хочется отрываться от родных веток, чтобы упасть на землю и превратиться в прах. Разве хочется кому умирать? Расставаться с жизнью тяжело, какая бы она ни была. Жнем, а самим есть хочется, и поэтому плохо работаем. Как-то странно даже: если хочешь есть, то ничего, кроме этого, не идет в голову. Я еще ни разу не была по-настоящему голодной, поэтому ощущение было очень мучительным. Пришли на обед, а обед у нас... не всякое животное будет есть. Одна вода - несколько капустных листков и даже без картошки. На второе ничего нет, да и хлеба малюсенький кусочек. Пообедали и есть еще сильнее захотели, а на ужин ничего нет. Работали до семи часов, все озябли-озябли. Пришли домой, а есть нечего. Потом Аня принесла мне хлеба кусок, да ребята дали немного. Вот мы с Розой разделили его, купили по стакану молока, тетя Аня дала нам картошки, и в девять часов мы стали ужинать. Получился прямо царский ужин... Мы сейчас сидим и хохочем над Тонькой и Тамарой. Они начистили картошки по целому блюду, растолкли, залили